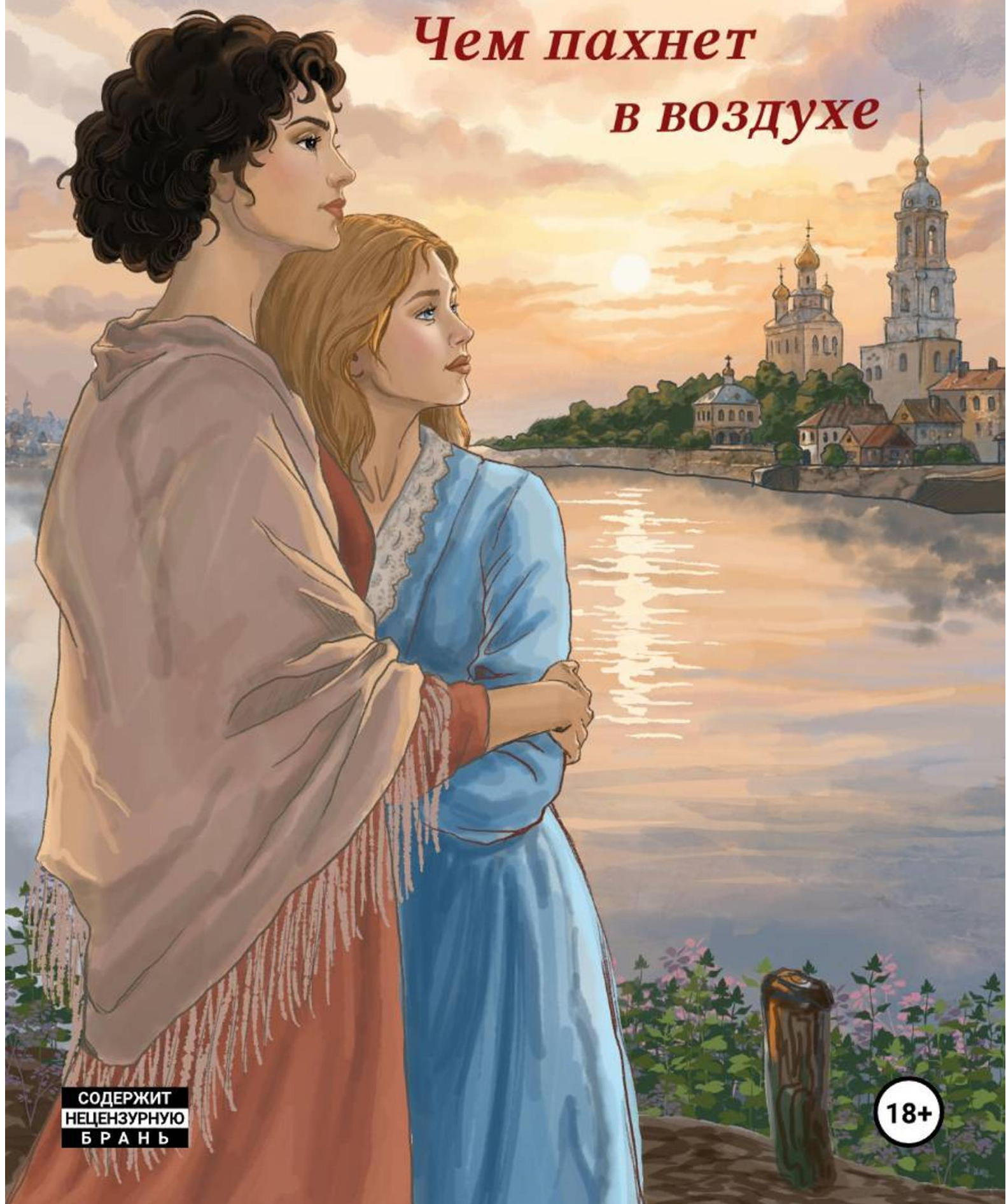

Эллина Стрижова

Чем пахнет

в воздухе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Элина Стрижова
Чем пахнет в воздухе

«Автор»

2026

Стрижова Э.

Чем пахнет в воздухе / Э. Стрижова — «Автор», 2026

Вы когда-нибудь задумывались о том, сколько опыта вы на самом деле получаете к своим годам? Что бы вы делали, если бы всё вдруг забыли? Представьте. Вы просыпаетесь без единого воспоминания, а у власти Зиновьев. Каково? Так и началась судьба нашей героини, которая точно не такого ожидала. У неё нет ничего, кроме любви к жизни и лучшей подруги, которая, кажется, скрывает от неё много тайн. Рассказчица у нас очень надёжная и говорит вам только то, что видела или думает сама, честно-честно. Просто немного наивная, но на этот счет я отвечу вам её словами – «представьте, если бы вы ничего не помнили» – умели бы вы отличить правду от лжи? Я лишь предлагаю вам посмотреть на мир её наивными глазами в такую непростую эпоху, проследить её непростой путь к долгожданному спокойному уюту.

© Стрижова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Эллина Стрижова

Чем пахнет в воздухе

Глава 1

Приходил март. В воздухе пахло Москвой.

Неуловимая весна светила серебряными лучами через каждую прозрачную ветку. После каждой зимы казалось, что всё будет иначе, что новый год станет новой эпохой, лёгкой, головокружительной и сияющей. Но каждый год непреклонно наступал прозрачный и мрачный март, оголяя всё то, что зимой удавалось спрятать.

Зимой было темно и не видно, темно и сонно. Это я помню. Я помню ощущение, я помню, что так было всегда, но иногда мне кажется, что я жила во времена, когда на улицах было светлее весь год, всю жизнь и повсюду...

Полгода назад у меня отшибло память. Может быть, я была совсем другим человеком, может быть, у меня были друзья. Откуда-то я помнила строки Пушкина, но не уверена, что у меня было образование.

Я не хотела бы себя возвращать. Думаю, не помнить ничего было огромным подарком от Того, в Кого в нашей стране больше не верят. Я бы и не узнала, что верили раньше, если бы не писали об этом на каждом шагу. Единственной близкой душой была медсестра Рита, которая объясняла мне, сколько стоит крупа и где купить земляничное мыло, когда я очнулась. От неё и всех её пациентов, всех её знакомых я услышала столько всего, что поняла, что нет ничего лучше, чем потерять память в двадцать лет. И если честно, я бы стёрла её ещё разок, только чтобы не помнить всё то, что мне рассказали, никогда не знать, сколько боли людям пришлось пережить. Рита была мне всем, я клянусь, что без неё даже не умела готовить, путала адреса, не помня центра города, пыталась найти несуществующие дороги и, вы будете смеяться, пыталась уехать на метро, которое начали строить совсем недавно. Словом, без Риты я бы попала в лучшем случае в дурдом, хотя, может быть, там мне и место. Не знаю, почему она вдруг взялась мне помочь, наверное, я просто не докучала ей бесконечными историями о прошлом, потому что ничего не помнила, может быть, даже вызывала желание научить жить в этом мире, как маленький ребёнок, но она обращалась со мной не как мать, а как подруга, даже не как сестра. Мать и сестра не выбирают, а подруга делает выбор быть со мной. Она была выше и старше меня, у неё были тёмные короткие, кудрявые волосы и почти чёрные глаза, и я ею восхищалась. Как только я смогла полноценно ходить, я попросила её отрезать мне волосы, как у неё, короче плечей, и купить такое же платье. Платья мы не нашли.

Первое время я жила у неё в комнатке на кресле, потом, когда стало тепло, в библиотеке, где я работала. Кажется, оставаться на ночь там было нельзя, вот только кто с меня спросит, если я должна была закрывать помещение? Думаю, если бы кто узнал, кроме Риты, мне бы обязательно предоставили жильё, где-нибудь на крайнем Севере в тесном коллективе, но мне снова сказочно везло.

Вот уже полгода мне сказочно везло.

По воскресеньям я приходила к Рите, чтобы привести себя в порядок, помогала ей готовить и убиралась в подъезде, и, хотя я поначалу только мешала, но она за что-то прощала мне всё. Иногда я задумывалась, может быть, я спасла ей жизнь ценой памяти? За что она любила меня? Может быть, она врала мне, что мы впервые встретились в больнице, и мы на самом деле были лучшими подругами, я давно встретила взрослую завораживающую старшеклассницу, будучи первоклашкой, а она решила взять меня под своё крыло? За что ей было так помогать незнакомке? За что меня можно было любить? Я не знала, была ли я хорошим человеком. За

полгода я не сделала никому добра, всё, что я делала для Риты, было лишь благодарностью, и всё мне казалось недостаточным. Но у меня была и своя гордость, за то, что плохого я тоже никому не сделала. Словом, я оставалась тенью, никакой, никем, и звать меня было никак.

Хотя звать меня было Любовь, мне так Рита сказала. Это имя гораздо больше подошло бы ей, а не мне, она была любовью и любовью выглядела – высокая, мягкая, женственная и очень сильная. Мне кажется, это она меня назвала, потому что паспорта у меня не было, не было совсем никаких вещей, просто решила дать мне прекрасное имя, сама мне придумала даже возраст, ведь откуда ей было знать?

В воздухе так пахло весной. Как вы понимаете, от Риты я съехала совсем недавно. Я немного скучала, но люди съезжают даже от родителей, с которыми прожили гораздо дольше. Тем более мы всё равно виделись раз в неделю на весь день, а иногда я могла зайти к ней на вечер, она не была против. К марту у меня уже были первые воспоминания, ведь полгода – немаленький срок.

Моё главное воспоминание – помощь Риты просто так. Особенно первый вечер у неё. Когда я впервые пришла к Рите домой, я была так благодарна за то, что не оказалась на улице дождливой осенью, что готова была целовать ей руки, но она прервала все мои «спасибо» и стала зачитывать, как инструкцию или команду, главное условие моего проживания у неё. Есть три фамилии: Зиновьев, Сталин и Троцкий. Первое и самое важное – если я слышу одну из этих фамилий, не продолжать разговор. Дальше нюансы. Если кто-то говорит, что Зиновьев молодец – я киваю. Если молодец кто-то из оставшихся двоих – я ухожу, запоминаю человека и больше с ним не разговариваю. Я спросила, кто они вообще. Причём с удивлением обнаружила, что как раз тех, кто «не молодцы» я вроде как припоминала – просто, что на слуху. А Зиновьева – первый раз. Рита спросила, а кто тогда, по моему мнению, на всех портретах.

– Ленин?

– А рядом?

Тогда понятно. Мне не нравилось его лицо. У тех двоих и то приятнее, хотя в жизни я бы с ними тоже не разговаривала, но этот – самый противный. Или просто надоел, примелькался. Рита отчасти со мной согласилась – что он не очень и уса́тый тоже, но Троцкий ей нравился, я из вежливости сказала, что он правда посимпатичнее, но она имела в виду, что он мог бы поднять страну. Только больше мы такое обсуждать не будем, её мнение мне нужно забыть, и, если я ещё раз что-то про любого из них вслух скажу – она меня выселит. Такое условие мне показалось не очень высокой платой за жильё. Я пообещала и, конечно, не нарушала правило, но тогда не придавала ему большого значения и не вникала, не пыталась узнать подробности – не потому, что было неинтересно, просто была куча других дел: вы, наверное, никогда и не задумывались, как много всего вы запоминаете к двадцати, а мне пришлось срочно научиться жить. Вторым условием проживания стала небольшая помощь по быту соседям.

А в свободное время я читала книги с полки у Риты, их там было ровно семь, и она радовалась, что хотя бы русский язык я помню. Но пять книг были художественными и две по медицине, а она уверяла, что мне нужны учебники за пятый класс. Может быть, поэтому Рита предложила мне помочь устроиться в библиотеку, как только закончилась бюрократия с моими документами. Я бы пошла на любую работу, я и так ела за её счёт больше двух недель, но библиотека меня обрадовала – мне очень нравилось читать. У Риты чтение тоже было единственным увлечением – говорила, что ей хватает шитья и прочего рукоделия на работе, поэтому никаких вышиваний крестиком в этом доме не будет. Читала она только газеты, их я тоже вслед за ней перечитывала. Они были скучнее книг, но через них я пыталась стать ближе с Ритой, понять, почему ей интересно. Там часто мелькала фамилия Зиновьева. И, как и говорила Рита, он там был молодец. А Троцкий – негодяем. Как же получилось, что Рита была настолько не согласна с мнением редакции, спрашивать было нельзя, хоть и хотелось. На работе я обещала

Рите всерьёз почитать учебники за все годы, минимум по два часа в день, особенно по истории. Выучу имена всех декабристов. И, может быть, что-нибудь пойму.

Однажды на работе я услышала чужой разговор: двое случайных людей зашли укрыться от дождя и думали, что одни в зале. Я почувствовала какую-то смутную радость, что я, вроде как, в курсе, о чём они говорят. Ритина инструкция пригодилась в первый раз.

– Если бы пришёл Сталин, было бы лучше. Он бы хоть порядок навёл. Всегда остаётся самый подлый.

– Могло быть только хуже. Нужен тебе такой порядок, какой бы он навёл. Тебе бы с его порядком наш бардак в мечтах снился.

– Хуже быть не может. Брата увезли. Вчера. Даже не попрощались.

– Не обязательно...

Тут я перелистнула страницу книги – я читала за стеллажами на другом конце зала. Услышала поспешные неосторожные шаги, и оба ушли, хлопнув дверью, я даже не увидела, кто это, и больше не слышала в своей библиотеке этих голосов. А слово «бардак» слышала часто.

Вечером рассказала Рите, она вдруг побледнела и сказала, что их нужно было выгонять шваброй.

– Так они сами сразу ушли.

– Люба... Вот придурки, ничему жизнь не учит, брата у него увезли – и он решил в библиотеке об этом рассказать, к нему, наверное, хочет... Чтобы не было у тебя таких больше.

– Куда – к нему? Почему? – не понимала я. – Я с ними не разговаривала, как ты учила.

И тогда произошло моё окончательное погружение в реальный мир, а не в тот добрый и спокойный, который был с ней. Я узнала обо всём, что может случиться. Для одного вечера – слишком много за раз. Мы проговорили несколько часов – я переживала, что я попадусь, что я не справлюсь, что меня подставят, очень много спрашивала, хотя чувствовала, что она и так рассказала мне гораздо больше, чем хотела. Она обещала, что всё будет хорошо, если я буду просто делать, как она сказала – вот с ней же всё хорошо. Я не рискнула спросить, где её родные. Мне казалось, что случайно услышанный разговор мог меня затянуть и задеть, будто я прикоснулась. Она раз за разом повторяла, что не нужно бояться, нужно просто знать, как себя вести, вот и всё. А я не могла поверить, что так строго следовать правилу всегда получится, если не боишься. И мне казалось, что она на самом деле боялась. Ночью я всхлипывала. Я так резко начала жить. И с первого дня была уверена, что так же резко закончу. Вы обращали когда-нибудь внимание, что дети часто спрашивают о смерти? И это они к пяти годам. А мне – полгода. Я взялась из ниоткуда и потому много думала о Никуда. Только раньше меня это не пугало. А теперь я представила, как это может случиться, и это, кажется, более вероятно, чем несчастный случай, я не хотела заканчивать вот так. Рита услышала мои слёзы, хотя я старалась как можно тише. Совсем устав мне что-то доказывать, она позвала к себе. Так было даже теснее, чем на кресле, но рядом с ней я смогла уснуть.

Уже через неделю я не то чтобы выкинула всё это из головы, просто научилась жить, как все остальные, следовать правилам, разве что, может, чуть строже большинства: одно дело, когда для вас всё наступает постепенно – меняется власть, меняются порядки, организации, законы, правила, последствия – и вы ко всему привыкаете и учитесь. А другое – когда вы просыпаетесь однажды без единого воспоминания, и оказывается, что у власти Зиновьев. Как обухом по голове. Но у меня получилось освоиться. Скоро я снова радовалась жизни. Мне нравилось в библиотеке, нравилось у Риты, нравилось гулять. Нравился Пушкин, нравилась Москва, нравился горячий чай вечером.

Нравилось говорить с Ритой, какой бы загадкой она ни была для меня. Я мало знала про её жизнь до нашей встречи, она говорила, что завидует мне, и поэтому тоже отсекает всю жизнь, что была до, не будет мне про неё рассказывать, и будем мы квиты. Мне это казалось справедливым, даже приятным, словно я в этом мире без прошлого не одна.

Пришёл апрель. В воздухе пахло весной.

Риту перевели туда, куда мне не верилось. Я не думала, что им нужны медсёстры, но медпункт есть в любом, даже самом загадочном учреждении. Рита стала работницей в четвёртом отделении. Сначала я её поздравляла, ведь ей дали комнату лучше и больше, но она стала какой-то нерадостной, чёрные глаза стали смотреть ещё печальнее, чем раньше, и я боялась за неё, при каждой встрече кидалась ей на шею, целовала в щеки, и иногда они были солёные. Рита больше ничего не рассказывала, говорила, что ей нельзя, и что мы должны видеться реже, и тогда плакать начала я. Сначала по ночам. Потом по редким встречам. Дома у Риты я больше не была, и приводить себя в порядок приходилось ночью в уборной, когда уборщица забывала запирасть. Я спрашивала у Риты, что с ней, может ли она вернуться в больницу, почему она так расстроена. Она говорила, что её никто не обижает, что всё хорошо, и ей просто одиноко, нечего делать и большую часть дня она просто смотрит в окно. Зато теперь есть средства на лучшую одежду и всегда хватает на еду. И что она сама хотела, просто всё странно. Не имея больше опыта за плечами, я не умела отличить правду от лжи, так что мне оставалось лишь верить, что Рита так непривычна к одиночеству. Вдруг раньше она была душой компании? Она же не рассказывала.

Однажды я не видела Риту три недели и чуть не сошла с ума. Уже успела наслушаться страшилок, близких к небылицам, к тому же вспомнить наш разговор, и боялась, что Рита теперь там не работает, а просто, ну, просто там. И всё.

Это была среда. Рита зашла ко мне в библиотеку, а я от счастья чуть не выронила все списки. Она улыбалась. За второй месяц работы на новом месте она впервые улыбалась. Я как всегда повисла у неё на шее, а она без предисловий спросила, хочу ли я работать с ней. Дадут жильё. Им нужен кто-то надёжный, без друзей, без родных, тот, кому нет никакой личной выгоды на работе, кто точно не подведёт. У меня не было никого, кроме меня самой, даже убеждений из прошлого, поэтому казалось, что нет никого более подходящего.

В этот раз повезло не только мне: представилась архивщица, проработавшая там с момента основания, столько, сколько вообще не живут. Вместо сожалений Рита сказала, что праздновали все и вместе, даже чужие друг другу, конечно тайком от "высшего", потому что договориться с ней было невозможно и кошмарила она так, что даже комиссары предпочитали заходить не в её смену. И если я согласна, Рита знает, кому нашептать.

– Кому?

– Мужу. Приходи на свадьбу.

Я чуть было не обиделась на неё за то, что она ничего мне не говорила, но невозможно быть в обиде на человека с такими сияющими тёмными глазами, на единственного любимого и любящего на всей планете. Главное, что она меня позвала, ведь так?

– Кто он?

– Мне нельзя говорить, пока ты у нас не работаешь. Потом сама его узнаешь. Человек важный.

Я рассыпалась в поздравлениях, но меня тревожило её долгое отсутствие. Я пригласила её к себе в уголок и там, где никто не видит и не слышит, расспросила её обо всём, почему она так много плакала раньше, почему пропала, где была, не буду ли я столько плакать на новой работе. Мне по-прежнему казалось, что жизнь моя будет короткой и закончится так же резко и невовремя, как и началась, и мне хотелось прожить её не то чтобы счастливой, но по крайней мере не в слезах. Дальше мне лишь хотелось верить снова, что Рита не врёт, но ничего другого мне и не оставалось:

– Милая, я думала, что это невзаимно. Не могла тебе сказать, потому я подписала секретность даже о тех, с кем работаю, и мечты о служебном романе – ничего хорошего. Почему пропадала, тоже сказать не могу, но, если ты к нам устроишься, ты всё узнаешь и поймёшь

меня. Я ему скажу о тебе, мы ищем человека. Ты можешь остаться здесь, я тебя пойму. Но к осени станет холодно, а пригласить жить тебя к себе я уже не смогу. Здесь ты замёрзнешь.

Она была права. Ритины пальто и обувь были мне велики, и я зимой мёрзла даже по пути до работы, а здесь к утру наверняка всё остывает. К тому же мне могло перестать так везти, что мои ночёвки здесь никто случайно или специально не замечает, мало ли кому я не понравлюсь. А главное – мне хотелось свой дом.

И я согласилась. В спецслужбе было куда безопаснее, чем здесь. Местная уборщица, бабуля в годах, по рассеянности вспоминала былые времена – при царе ей было лучше, а невежливые молодые люди, которые пытались со мной поладить, нередко рассказывали такие анекдоты, что я боялась, что меня проверяют на благонадежность, и я никогда не смеялась. В их завуалированных шутках я узнавала порой все три запретные фамилии.

Я думала, что любила эту работу, но на самом деле я любила Риту и быть с ней, а как только нас разлучили, я осталась несчастной. Друзей не было, я чувствовала себя пришельцем, другой формой жизни, без прошлого как цветок без корней, я боялась разговаривать с людьми. Иногда мне в голову приходили редкие воспоминания, но Рита говорила, что это похоже на шизофренический бред, и лучше это совсем никому не рассказывать, тогда я стала молчать. Воспоминания об открытом метро были самым безобидным, порой я забывалась и могла ляпнуть что-то вроде «позвонить по дороге» или спросить сколько тысяч зарплата – наверное, такое вообще могли принять за серьёзное оскорбление, так что с чужими людьми я боялась сказать лишнего. Словом, за это время мои мысли свелись всего к двум вещам: это разлука с Ритой и отдалённые малоприятные места, где я окажусь, если сюда поставят хоть одного проверяющего: либо из-за того, что не донесла на Зину Васильевну, либо из-за одного из смешливых и бесстрашных посетителей. Работа непосредственно там могла решить обе эти беды.

Да, я не просто согласилась, я просила Риту устроить меня туда, хотя у меня голова кружилась от её связей. Всегда знала, что она далеко пойдёт.

В середине мая сыграли свадьбу у Риты. Даже не знала, что на столе может быть столько разной еды, я словно попала в другой мир. Было много незнакомых людей, за два часа я увидела больше, чем за всю жизнь. Рита была прекрасна в нежно-коралловом платье, в туфлях на каблуке она была ростом почти с мужа. Наверное, тут было много "совершенно секретных", но выглядели они все обычными людьми. Муж был ей к лицу, сильный, жёсткий, мне он внушал страх, а Рита, кажется, по-настоящему любила. Наверное, я ревновала её чуть-чуть. Для него она не была всем, как для меня, но я искренне надеялась, что он всё равно будет носить её на руках, ведь она заслужила всего самого лучшего. Рита...

Был июнь. В воздухе пахло грозой.

Я месяц провела в архиве и начала чувствовать себя мало-мальски уверенно только сейчас. Я всё поняла, поняла, почему Рита плакала, когда её никто не обижал, поняла, почему она ничем со мной не делилась. Было сложнее, чем я думала, было сложно, как никогда за мой почти год жизни, но, в отличие от Риты, одиночества я не чувствовала. Каждый день хоть кто-нибудь заходил, приносил новые папки и бумажки. Секретно, совершенно секретно и особой важности. Главное – раскладывать по полочкам, не вникая, не читая, не разбираясь. Первое время я имела неосторожность понять то, что мне приносили. А приносили именно то, что напугало меня ещё осенью, но появились цифры, даты и фамилии. Мне не нужно было это знать, кого арестовали, кого отправляли на расстрел, а кого на Север, за что и как надолго. А ещё допросы – я читала ответы и показания и как будто сидела с ними там, это так жутко – их тем более не нужно читать. Не нужно, и через неделю ночных кошмаров я всё стала делать как машина, как будто всё написано не про людей, и к тому же, меня это не касается. Думаю, Рита встречала то же самое. Помимо кошмаров ночью, днём в архиве с разных стен и даже шкафов на меня пялились портреты Зиновьева так, будто я тоже в чём-то виновата. Я, как все

привычная к его лицу, именно в архиве его почему-то пугалась. Ещё было сложно успевать все дела, быть всегда внимательной, но самой большой трудностью было неуважение со стороны всех и каждого, словно я была пылинкой. Кажется, они помнили прошлую работницу и мстили мне за её хамство. Грубили мне каждый день. Надо было здороваться громче или тише, работать быстрее или не мельтешить, я вскоре поняла, что здесь нет правильных ответов. Никто не говорил мне даже спасибо, даже добрый день, но в целом – всё это было не так уж и важно. Большую часть времени я всё равно там проводила одна. Иногда между бумагами у меня появлялось свободное время, когда очень везло – бывало и по несколько часов. Я сначала тайком проносила книги и читала их, но, когда я рассказала об этом Рите, она на всякий случай мне запретила, чтобы не обвинили в тунеядстве, и заодно чтобы не портить зрение. Тогда в счастливые свободные часы я спала или смотрела в окно на то, как путаются и разъезжаются трамвайчики на площади. После работы я каждый день пятнадцать минут шла домой с Ритой, восхищаясь прекрасной Москвой, пока нам было по пути, а когда её муж задерживался по делам, мы могли друг друга проводить и даже у меня выпить чай. К себе Рита пока не звала. А я наконец-то обзавелась комнатой. Я очень ценила свой уголок на четвёртом этаже, и на каждый окрик в архиве я думала о том, как я приду домой, где я буду одна, у себя, с тёплой кроватью и торшером, даже шкафчиком. Кухня и ванная были почти всегда свободны, общежитие заселили только на половину, и мне казалось, что лучше уже просто не может быть. И всё благодаря ей.

Пришёл мягкий июль. В воздухе пахло Москвой.

Я запомнила всех проходящих по имени и отчеству. Отчества звучали так громоздко и странно, мне всегда хотелось назвать людей просто по именам, Рита сразу меня переучивала, но пару окриков от больших страшных толстых дядь оказались куда надёжнее. Из проходящих больше всего я запомнила двоих: Алексей Алексеевич, который словно смерти моей хотел, и Антон Игоревич, его полная противоположность. Про Алексея Алексеича скажу только то, что он очень толстый для своих лет – в наше время это преступление, честным путём столько денег на еду никак не получить – блондин с вечно грязными волосами, синими как ужас глазами, и это его отвратительному характеру совсем не шло. Он был некрасивым, или я так сильно его ненавидела. Другие грубили по очереди, а он категорически всегда, даже мог обозвать, а так как в званиях я не понимала и никто не объяснял (для служащих была другая часть архива, куда меня не пускали) я на всякий случай терпела всё и ото всех, а потом на каждого за чашкой чая жаловалась Рите на ушко. Алексеичу не нравилось, даже когда я просто сидела за столом, в его голове не умещалось, что моя работа – это в основном сидеть за столом, он ждал, что я буду его швейцаром и побегушкой.

Антон был не таким. Я уважала его больше всех остальных вместе взятых, он был другим. Он даже разрешал мне обращаться к нему без отчества. И единственный, единственный из всех говорил мне Вы. Когда мы пересекались у входа, это он открывал мне дверь, а не ждал, пока я открою ему, как делали остальные. Он приходил по вторникам и иногда по субботам, приносил дела и всегда что-нибудь у меня спрашивал. Мы лишь обменивались парой слов о работе или погоде, но это были лучшие минуты, за исключением, конечно, одиночества наедине со стройными рядами шкафов. По субботам расписание Антона и Алексеича могло пересекаться, и было забавно видеть, как второй при Антоне стесняется так откровенно меня обижать. Может быть, Антон был выше по званию, я не разбиралась. Наверняка я бы всех запомнила, сравнила и разобралась, если бы захотела, но для того пришлось бы вчитаться в то, что мне приносили, и значит, узнать, сколько человек сегодня, вчера и завтра убили, сослали, наказали и похоронили. Я не хотела. Конечно, далеко не все бумаги были об этом – в основном что-то, на мой взгляд недостойное хранения, но чем лучше настроение, тем больше вероятность наткнуться на массовый расстрел. Когда я спросила про Антона у Риты, она сказала только то, что Антон

давно дружит с её мужем. Всегда догадывалась, что хорошие люди друг друга рано или поздно находят, и, видимо, если Ритин муж был близок одновременно с ней и с Антоном, то человеком он был умным и достойным.

Чем меньше я вчитывалась в то, что мне приносят, тем лучше я спала. Иногда позволяла себе на страх и риск посмотреть, что же принёс Антон, и он ещё ни разу не приносил мне бумаги о расстрелах. От того я уважала его ещё больше.

Наконец настал август. В воздухе пахло бедой.

За июль мне задержали зарплату, и у меня заканчивалось почти всё. Пришлось экономить на еде, поэтому часто кружилась голова, я начала тонуть не только в Ритиных вещах, но и в своих собственных. Было глупо не откладывать совсем ничего, но мне и нечего было сберечь в библиотеке, а за пару месяцев здесь я купила обувь по размеру, немного одежды и, что было лишним для такой архивной мышки, несколько книг. На них точно можно было не тратить. Но откуда же я знала, что мне перестанут платить, ровно до конца месяца мне вообще-то хватало. Я же умела считать. Я не знала, кого винить и с кого спросить, поэтому на всякий случай винила Алексеича.

Во вторую субботу месяца, под конец дня, когда я уже не ждала, ко мне зашёл Антон. В этот раз он пришёл с делами с грифом "совершенно секретно" и спросил, куда их можно поставить. Я очень удивилась, как будто он в первый раз?

– Смотри что там написано. Ставить должна я, – я постаралась сказать это как можно мягче, но слова мне показались всё равно слишком резкими, и я виновато отвела взгляд.

– Ничего хорошего. Даже не хочется вам эту гадость в руки давать.

– Расстрелы за лето вон там, – показала я и покраснела.

Он ушёл и долго возился. Конечно, там же всё по датам, городам, полигонам. Он не понимает, даже если он поставит правильно, я всё равно проверю, достану, занесу в списки и разложу, как надо мне. И теперь, конечно, ещё и прочитаю, вдруг удастся узнать, что приказ отдавал не он. Хотелось плакать. Антон зачем-то решил ко мне вернуться. Я обратила внимание, как он, оказывается, тоже похож на мышку, только я на домашнюю, а он на полевую. У него были волосы цвета пепла и такого же цвета глаза. Тёмная форма казалась даже ярче него, он весь казался таким серым, разве что, около окна, на фоне серого неба он смотрелся теплее и мягче, серо-соломенным. Антон был выше меня, но, может быть, не выше Риты. Они оба ростом и печальными глазами казались мне какими-то взрослыми, но такими, до которых я никогда не дорасту, и мне было от этого грустно. Антон вызывал иногда во мне чувства, какие Рита, какое-то искреннее желание сделать им обоим как можно лучше.

– Вы не подумайте, я в этом не участвовал, – сказал он мне.

– Я верю.

Он стоял, о чём-то задумавшись, время шло, работы было много, и мне пришлось сознаться.

– Антон, мне всё равно нужно записать папки в список. Я очень ценю, что вы меня бережёте, но мне такое через день приносят. Работа такая.

Он грустно кивнул и вернулся за папками.

– Вам бы не такую работу, – сказал он, относя их мне на стол.

Каким же он был вежливым, больше никто и не думал мне помогать, даже самые тяжёлые бумаги в меня почти швыряли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.